

КНИГА... ИЗ ОДНОГО РАССКАЗА

Ставрополец Валерий Гейдеко — студент литературного института имени М. Горького. Валерию 22 года. В течение двух последних лет его рецензии и критические статьи появлялись в краевых газетах, в альманахе, в центральных периодических изданиях.

Сегодня мы публикуем его новую литературно-критическую работу.

ВАЛЕРИЙ ГЕЙДЕКО

В выступлениях Л. Ф. Ильичева ясно и четко были определены большие и ответственные задачи, стоящие перед работниками литературы и искусства. Долг всей художественной интеллигенции создавать яркие интересные произведения, тесно связанные с жизнью советского парада, его заботами и нуждами, радостями и тревогами. Заранее предопределены на неуспех все попытки выдавать под флагом новаторства произведения формалистичные, далекие от подлинного дыхания жизни. Наиболее характерным и красноречивым свидетельством этого явилось почти единодушное неприятие абстракционистских работ, выставленных на последнем отчете секции московских художников в Манеже. Но, что очень важно, — призыв «творить для народа, во имя народа» ни в коей степени не был

поставлен односторонне и ограниченно: наряду с безусловным отрицанием всего мнимонаторского и формалистичного в творчестве (что особый упор в нынешнем положении был сделан именно на это — и объяснимо и естественно), с полной определенностью было сказано и о недопустимости неглубокого, поверхностного и художественно примитивного изображения жизни. В здоровой творческой атмосфере, в деловой рабочей обстановке опять-таки первоочередной и самой важной задачей остается повышение мастерства.

Вот под этим углом зрения — о реальных художественных успехах и, быть может, больше — просчетах первой книги М. Грешнова «Три встречи», — выпущенной Ставропольским издательством, и пойдет дальше разговор.

«Знакомство» с М. Грешновым у меня произошло два года назад. В 4-м номере альманаха «Ставрополье» за 1960

год был напечатан его рассказ «Три встречи», по которому уже можно было определить, что автор хорошо чувствует слово, умеет свежо и неожиданно рассказать о самых обыденных, будничных и не слишком «выгодных» для прозы вещах.

Радовали в рассказе точные и верные, словно «непридуманные», детали и подробности, естественное и плавное течение сюжета. За исключением каких-то мелких погрешностей, критиковать рассказ было не за что. И, что интересно, — то же самое можно было наблюдать и в других рассказах М. Грешнова — взятые отдельно, сами по себе, они не давали оснований для каких-либо серьезных упреков.

Но вот рассказы собраны под обложку одной книги, и сразу стало ясным многое из того, что раньше оставалось как бы в тени. По сути дела, в книге напечатан единственный рассказ. Да, единственный, хотя в оглавлении проставлены шесть названий. В каждом из

шести рассказов есть свои герои со своими именами, действие происходит в разные промежутки времени (гражданская и Великая Отечественная войны, самые «последние» годы), и, больше того, в каждом рассказе есть своя тема. Но рассказ все-таки один. В нем автор—повествователь, он же своеобразный «лирический герой» в прозе — немного неприспособленный к жизни молодой человек, растерянность и беззащитность которого по-своему мила и вызывает то ли симпатию, то ли легкую жалость и снисхождение. Он мягок, добр по натуре и, впервые столкнувшись с любовью, бывает сначала как-то ошеломлен и подавлен — сознание счастья приходит к нему позже, приходит робко, нескоро и боязливо. И за любовь свою он борется так же несмело, хотя верно и последовательно, и яркие «вспышки чувства» ему незнакомы, как и незнакомы сильные и горькие разочарования. И другой герой рассказа — доверчивая, тоже милая и, пожалуй, бесхитростная девушка, чаще всего с голубыми глазами, обязательно большими и чистыми и обладающими удивительным притягательным свойством. Любовь не вызывает с ее стороны

сильных потрясений: если она принимает любовь, то принимает сразу, как чувство, не то чтобы естественное, а немножко обыденное и даже приземное; если же отвергает, то не решается на открытое и прямое объяснение, испытывает крайнюю робость, смущение и неловкость, словно она виновата в том, что не может ответить на чувства юноши взаимностью. Надо ли говорить, в какое затруднительное положение попадает автор, когда история взаимоотношений между героями уже рассказана, когда герой большей частью по недоразумению — расстаются, и вот уже близок конец рассказа, и все сюжетные узлы развязаны, и нужно еще что-то сказать, но вот что сказать?.. И концовка рассказа — отчасти скомканная, с нервной, лихорадочно-конвульсирующей мыслью, ищущей зацепки, которая могла бы свести концы с концами и придать рассказу законченное и целостное впечатление — концовка эта выдает основные слабости автора. Энергичные и усиленные поиски нужной концовки нельзя назвать слишком успешными — в лучшем случае автор останавливается на таком философском

размышлении, вызванном или шумящими то полями, или пробегающими за окном поезда огоньками о чем-то неясном, неуловимом, призрачном: «Шумят тополи.

Ветер гладит каждый листок — ласкает ли, зовет куда-то или просто шевелит, чтобы слушать, как я? И они шумят, поют.

О счастье? Может быть... О сегодняшнем, которое уйдет в завтра».

С некоторыми вариациями эта же универсальная концовка используется М. Грешновым в рассказах «Тополи», «Это навсегда», «Три встречи». Шумят тополи, проплывают за окном поезда огоньки, герой испытывает какое-то неясное чувство, а вы, столкнувшись с этим финалом во второй и третий раз, теперь уже ясно понимаете, что рассказ фактически остался без финала, хотя формально к нему и «приклеена» спасительная концовка.

Это — в лучшем случае. В худшем — голос автора открыто срывается на сентенции, в чистом виде выраженную мораль:

«Море шумело...

Катило зыбь, сбрасывало у берега, точно с плеч...

Думаю о Федюшке, Иване, поколениях моряков...

Море и люди. Море и подвиг.

Потому и прекрасно оно, как человек, — всегда сильный, отважный».

Концовки рассказов, как видим, плохи по-своему, по-разному. И в то же время они одинаковы. Одинаковы, поскольку дело, очевидно, не в них самих — их искусственное, насильственное привлечение понадобилось исключительно потому, что естественная и непринужденная развязка не содержалась внутри самого рассказа, — необязательно в прямых и внешних, но хотя бы во внутренних, подспудных конфликтах и сюжетных узлах. И сразу же возникает еще один вопрос: отчего это происходит? И нет ли, хотя бы косвенной, связи между такой вот «внутренней разреженностью» рассказов и уже отмеченной нами особенностью, что автор, собственно, разрабатывает всего два человеческих характера? Не нужно особой проницательности, чтобы обнаружить явное сходство почти всех женских образов — близнецами являются и Клава из рассказа «Три встречи», и Снегурочка из одноименного рассказа, и Лиза из маленькой повести «Это навсегда». Родственность «литерического героя», от лица которого ведется

рассказы, вообще выдает себя сразу. Такая приверженность к двум только образам не говорит об умении автора лепить многогранные и разнообразные характеры, показывает известную ограниченность в «густонаселенности» рассказов рельефными колоритными персонажами. Но сейчас интересно не это. При знакомстве с рассказами от страницы к странице растет подозрение, что, за исключением несущественных частностей, в них повторяется одна и та же ситуация (хотя и решается она по-разному). Случайная встреча (герой поселился на квартире, где жила девушка, — рассказы «Юлия», «Это навсегда») или столкнулся с ней на работе («Три встречи»), постепенно у героя возникают чувства привязанности, уважения, признательности, которые в конце концов перерастают в любовь. Отвергать героине такую любовь или принимать (или принять, а потом отвергнуть, как в рассказе «Тополи») — выбор для вариаций у автора не слишком велик (подчеркну - если характеры в общем-то одни и те же), и поэтому волей-неволей приходится добавлять еще какие-то «нелюбовные»

события, менять в рассказе «фон» и прибегать, к помощи других спасительных средств. Что ж, эти средства действительно придают рассказам разнообразие. Но они же и оставляют в рассказах многочисленные «швы» и «стыки», заметить которые тем легче, чем неоднороднее материал, из которого «сделан» рассказ. Резко и без каких-либо даже внешних переходов разломан надвое рассказ «Юлия». Здесь, собственно, две самостоятельные, плохо увязанные части, каждая из которых вполне могла бы существовать отдельно.

Повторение ситуаций, повторение образов влечет за собой повторы и чисто изобразительных средств. Если у героини и не голубые глаза, то, значит, они обязательно будут большими и чистыми или же будут «сиять, как небо», или же будут «полными тепла». Не хочу показаться педантичным — пусть у героинь всех рассказов будут только голубые глаза, пусть эти глаза будут и большими, и полными тепла. Здесь дело не только и не столько в однообразии приема, сколько в потере вкуса, который кое-где приводит к слащавости тона:

«Тулупчик зашевелился, показался белый берет; встала

невысокая девушка, протирая глаза,— проснулась. (Вы, конечно, догадались, что на работу приехала «молодой специалист» — неопытная маленькая девчушка.) И когда отняла кулачки — до чего чистые, большие и синие были глаза! Глянула сразу на всех; но каждый сказал бы — на него. И это было так неожиданно, чудесно, что никто не нашелся, что сказать: синее небо, синие тени, синие глаза — как в сказке».

Здесь нет прямых фальшивых ноток, но в явном избытке и умильность (так и читаешь между строк: ах, ну и девушка! Ах, какая молодая, а уже фельдшер! И синего цвета столько, что отдает глазурию).

Рассказ «Снегурочка», из которого сделана эта выписка, пожалуй, сильнее других выходит из привычной колеи, знакомых событий и ситуаций. Вообще-то и его тему рискованно назвать новой: приезд «молодого специалиста» в деревню и первые его шаги на новом рабочем месте — не знаю, можно ли найти автора, которого в свое время не соблазнила эта тема. Безусловно, что-то «свое» можно сказать и в этой «исписанной» теме — все здесь зависит от того насколько писатель пойдет от литературного шаблона и насколько от непосредственных наб-

людений над самой жизнью. М. Грешнов идет и от того и от другого. Многие места рассказа написаны — а отсюда и читаются — как бы по инерции — мы знаем, что когда Ирина придет в село, то все удивятся ее маленькому росту, непременно дадут ласковое и в то же время немного пренебрежительное прозвище, что первое время все будут избегать ее помощи и у девушки, естественно, возникнут неудачи. Да, все это случается и в жизни, случается часто, я о плоху, что помимо рассказа М. Грешнова все точно так же происходит и во многочисленных рассказах и повестях. Но есть в «Снегурочке» и очень «свое»: забавная, неуклюжая и беспомощная любовь Ивана к «фельдшерице», трогательный в своей непосредственности поединок Ирины с «сельским шаманом» — бабкой Хворостухой, с чудным юмором написанная сцена, где Иван, смущаясь и от этого еще больше грубя, просит библиотекаря Тоню, «выбрать что-нибудь о Чайковском».

И мы видим здесь не просто интересно и свежо рассказанные эпизоды, не просто счастливо найденные «свои» штрихи в общем знакомом и тривиальном рисунке. Здесь большее

— писатель выходит на простор новых образов и тем, вырывается из пока что прочной власти одинаковых ситуаций, однотипных характеров. И если говорить о каком-то тормозе, который замедляет движение прозаика вперед, то в первую очередь это именно ограниченность и тематики, и характеров, которая, чем дальше, тем сильнее будет ощущаться.

Трудно сейчас предугадать направление, в котором будет развиваться талант М. Грешнова. Но как бы там ни было, какие бы трудности ни поджидали его и на тернистом писательском пути, да и в самой жизни, следует искренне пожелать молодому прозаику больше искать, пробовать — пусть ошибаться и допускать неудачи,— но стремиться к расширению «диапазона» рассказов, стараться, чтобы в рассказы властно и щедро вливалась жизнь — многообразная, широкая, не поддающаяся никаким узким схемам и рамкам.